

Глава 25. Ночная встреча

Ночная тьма укутала деревню Даяо. Чжао Лои и Хо Ляньюнь снова спустились в подземный ход, чтобы вернуться в Поместье семьи Ван и продолжить поиски Свитка Сотни Оружий.

Ли Мэн разводить огонь не умел. Он устроился на корточках у самого порога кухни, бережно прижимая к себе кота Ван Ханьчжи. Тот самый чёрный котяра во время их недавней драки преспокойно сидел на цветочной полке, лениво наблюдая, как двое дураков мутузят друг друга. Позже, когда обоим знатно досталось от Хо Ляньюня, зверь облюбовал колени Ли Мэна и теперь наотрез отказывался уходить.

Из проёма печи с тихим треском вылетали искры. Багровые отсветы плясали на круглом лице Ван Ханьчжи. Он сидел неподвижно, не отрывая взгляда от пламени, и по его отрешённому виду невозможно было понять, о чём он думает.

Ли Мэн зарылся пальцами в густую кошачью шерсть, пытаясь согреться. Ему хотелось извиниться, но гнетущее молчание мешало начать разговор, и он так и не решился нарушить тишину.

Ван Ханьчжи поднялся и пошёл к выходу. Проходя мимо Ли Мэна, он даже не взглянул в его сторону.

Ли Мэн уныло поплёлся следом. За дверью кухни шумела заросшая бамбуковая роща, у края которой высилась поленница. Дрова подходили к концу.

После разорения Поместья семьи Ван Ханьчжи остался совсем один. Скрываясь от чужих глаз, он привык во всём полагаться только на себя — сам колол дрова, сам складывал сено в стога.

Ли Мэн молча ходил за ним хвостом, пока они не вернулись обратно в тёплую кухню.

Ван Ханьчжи поворошил угли длинными железными щипцами. Сноп искр брызнул во все стороны, в глубине печи весело затрещали поленья. В огромном чугуне томилась курица; по кухне разносился такой дурманящий аромат, что у Ли Мэна невольно потекли слюнки.

— Иди сюда, — не оборачиваясь, позвал Ван Ханьчжи.

Ли Мэн поспешно пристроился рядом. Тот принялся терпеливо объяснять, как правильно следить за печью:

— Если угли начнут гаснуть, подбрось дров. Если совсем затухнет — гляди, тут сухая солома лежит. Сначала разожги её, а как разгорится, клади поленья покрупнее. Присмотри пока за огнём, я ненадолго выйду.

— Ты куда? — спросил Ли Мэн.

Ван Ханьчжи скользнул взглядом по его распухшей щеке:

— Надо прибрать в комнатах. Не на полу же вам спать.

— А, — Ли Мэн уныло ссадил кота с колен. Тот устроился рядом на полу, едва касаясь кончиком хвоста его лодыжки. — Хватит и двух комнат. Мы с учителем ляжем вместе.

Ван Ханьчжи хотел что-то сказать, но лишь промолчал и вышел.

Этот ужин стал самым сытным с тех пор, как они покинули Линьчжоу. Ван Ханьчжи не поспешил: пустил в ход последние припасы — двух кроликов, жирную курицу и десяток яиц. За столом царило тяжёлое молчание. Было очевидно, что Чжао Лои и Хо Ляньюнь явились за Свитком Сотни Оружий, однако Ван Ханьчжи упорно твердил, будто слыхом не слыхивал о подобной реликвии.

Мальчишка выглядел мрачнее тучи.

Ли Мэн полагал, что тот злится из-за предсмертного письма отца, которое он так глупо потерял. «Ладно, — решил он про себя, — подожду, пока остынет, тогда и поговорю».

К вечеру Ван Ханьчжи нагрел огромный чан воды, чтобы Чжао Лои с учеником могли умыться с дороги, затем согрел ещё один для остальных. Лишь когда гости разошлись по комнатам, он наконец отправился к себе.

Ли Мэн легонько возился под тёплым одеялом, прижимаясь озябшей голенью к ноге Чжао Лои, чтобы хоть немного согреться. Наверху хлопнула дверь — Ван Ханьчжи лёг спать.

— Учитель, — шёпотом позвал Ли Мэн, — вы нашли его?

Голос Чжао Лои прозвучал на редкость глухо и устало:

— Нет.

— Завтра мы уезжаем? — забеспокоился Ли Мэн. Если они вернутся с пустыми руками, Сяо Чанчу не отстанет. И пускай сейчас в поднебесной мало кто рискнул бы одновременно бросить вызов Чжао Лои и Хо Ляньюню, но один в поле не воин. Стоит врагам объединиться, и дело примет скверный оборот.

— Завтра поищем ещё раз. Если не найдём, то... — Чжао Лои осёкся на полуслове, словно

передумав говорить.

— То что? Ну же, договаривай! — Ли Мэн легонько ткнул пальцем в его крепкую грудь.

Чжао Лои перехватил его запястье и в темноте повернулся на бок, оказавшись лицом к лицу с учеником. У Ли Мэна на мгновение замерло сердце. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем мужчина тяжело выдохнул:

— Не вертись.

— Ладно.

Но стоило Чжао Лои затихнуть, как Ли Мэн снова принялся тормошить его за плечо:

— И всё-таки, учитель, что мы будем делать? Если не скажешь, я ведь не усну!

— Я смотрю, ты совсем страх потерял, — проворчал Чжао Лои.

— Ну что ты! Я боюсь тебя до смерти! — с самым серьёзным видом заверил его Ли Мэн. — Но раз ты молчишь, мне всё равно ничего другого не остаётся.

— Тогда убери свои руки... — Чжао Лои попытался отстраниться. Мальчишка скользнул пальцами по его животу, дразня и вызывая вполне однозначный отклик внизу живота.

— Ну так расскажи, — Ли Мэн затих, но ладонь так и оставил на его животе. Ему нравилось это ощущение тепла — в такие минуты грозный Чжао Лои казался простым, понятным и близким, а не тем загадочным и недостижимым мастером, каким его видели другие.

— Нам придётся разыграть один спектакль, — неохотно уступил Чжао Лои. — Не будь здесь Хо Ляньюня, всё было бы куда проще.

— С вторым шишу что-то не так?

— Не знаю.

Ли Мэн давно смутно чувствовал, что Чжао Лои не доверяет второму шишу. Но ведь они были названными братьями! Ещё в Жуйчжоу Ли Мэн слышал, что Цюнцзи — нелюдим и никого к себе не подпускает, и если старейшины Башни и могли навязать ему напарника, то лишь Хуньдуня. Впрочем, расспрашивать дальше он не стал. Чжао Лои накрыл его плечо своей тяжёлой горячей рукой, и Ли Мэн, почувствовав себя в безопасности, закрыл глаза. День выдался суматошным, тело гудело после драки, а разбитая губа неприятно заныла, заставив

его тихонько поморщиться.

Чжао Лои поднялся, чтобы найти мазь.

Лекарство оказалось горьким на вкус, и Ли Мэн в очередной раз мысленно обругал себя за то, что ввязался в потасовку с Ван Ханьчжи. Странно, но учитель даже не стал его отчитывать. Прав был Сунь Тяньинь: все наставники в глубине души без памяти любят своих учеников и всегда берут их под защиту.

— Зачем ты днём предлагал мне взять этого Пышку в ученики? — недовольно спросил Чжао Лои, убирая снадобье.

Ли Мэн не сразу сообразил, о ком речь, а когда понял, едва не прыснул: «Пышка» — надо же так назвать Ван Ханьчжи! Хотя лицо у того и впрямь было круглым, словно сдобная булка.

— Разве его отец не был твоим другом? — спросил Ли Мэн.

На самом деле ему было немного неловко перед Ван Ханьчжи, и он надеялся, что учитель поможет отдать этот сыновний долг. Но теперь, поразмыслив, Ли Мэн уже не горел желанием делить Чжао Лои с кем-то ещё. Если они станут соучениками, кто из них будет старшим, а кто младшим? По времени вступления всё ясно, но в Башне Десяти Направлений четверо великих убийц делили первенство по возрасту. Вдруг Ван Ханьчжи родился на пару недель раньше? Это же чистый убыток!

— Мы не были друзьями. Просто знали друг друга, — Чжао Лои подоткнул одеяло со стороны Ли Мэна. — Не мёрзнешь?

Зимы на юге были промозглыми и сырыми. Чжао Лои опасался, что Ли Мэн, выросший на севере, замерзнет на этой старой, скрипучей кровати.

Ли Мэн лишь покачал головой и посильнее прижался к его плечу.

— Это ещё что такое? — Чжао Лои резко подобрал ноги, едва не выругавшись.

Ли Мэн тоже почувствовал шевеление в ногах и поспешно воскликнул:

— Учитель, не пинайся! Это кот Ван Ханьчжи!

Чжао Лои едва сдержал занесённую для удара ногу. Тёплый, пушистый комок свернулся в самых ногах, образовав заметный бугорок под одеялом.

— Какого чёрта его зверь делает в нашей постели? — проворчал он.

— Не знаю... Пока вы ходили в Поместье семьи Ван, он от меня ни на шаг не отходил. Учитель, можно мы заберём его с собой?

— Ещё чего, — Чжао Лои недовольно нахмурился. — Зачем он нам? Если припрёт голод, на жаркое пустить? Так кошачье мясо кислое, в рот не возьмёшь.

Ли Мэн промолчал, но спрятал лицо на груди Чжао Лои и поглубже зарылся под одеяло.

Сдавшись под этим молчаливым натиском, Чжао Лои вздохнул:

— Ладно. Если сам пойдёт за тобой — забирай.

— Ура! Спасибо, учитель! — Ли Мэн порывисто обнял его за шею, звонко чмокнул его в колючую щеку и ласково потёрся лицом о его подбородок.

В темноте у Чжао Лои вспыхнули уши. Щемлящая нежность затопила грудь. Он крепко обнял мальчишку, но тут же слегка отстранил его, незаметно поправляя пояс штанов, чтобы скрыть внезапное возбуждение.

Ли Мэн, угревшись в его объятиях, вскоре крепко заснул.

К утру припухлость на лице Ли Мэна почти спала. Когда он проснулся, Чжао Лои и Хо Ляньюня уже не было в доме — судя по всему, они снова ушли прочёсывать Поместье семьи Ван.

Выйдя во двор, Ли Мэн застал Ван Ханьчжи за утренней тренировкой. Тот стоял в глубокой стойке мабу и с резкими выкриками отрабатывал удары. Заметив гостя, он тут же замолчал и опустил руки.

— Завтрак на столе в кухне, возьми сам, — бросил Ван Ханьчжи. Его крепкое тело лоснилось от пота. Сдёрнув с шеи полотенце, он обтёр лицо, подошёл к колодцу и без колебаний опрокинул на себя ведро ледяной воды. Ли Мэн при виде этого зрелища невольно поёжился от холода.

Сонный Ли Мэн не торопясь закончил с едой. К этому времени Ван Ханьчжи уже успел переодеться в добротное чистое платье. Стянув свои нехитрые пожитки в узел, он сидел на пороге главного зала, отрешённо глядя в хмурое небо.

Понимая, что этот парень уезжает отсюда навсегда и вряд ли когда-нибудь вернётся, Ли Мэн проникся к нему сочувствием. Впрочем, навязываться не стал — раз Ван Ханьчжи молчит, то и лезть к нему не стоит. Устроившись на пороге по другую сторону двери с чёрным котом на

руках, Ли Мэн замер. Два не слишком воинственных стража сидели по бокам от входа, словно безмолвные изваяния.

Во второй половине дня вернулся Хо Ляньюнь. Он наведлся к деревенскому старосте, чтобы забрать бумаги о снятии Ван Ханьчжи с учёта. Староста, заведя мальчишку живым и здоровым, страшно удивился — все в округе давно считали, что сирота сгинул.

Сердобольные соседи бросились было расспрашивать Ван Ханьчжи, сокрушаясь, что он уезжает с чужаками, но тот упорно хранил молчание и не удостоил никого ответом.

У них было всего две лошади. Чжао Лои посадил к себе Ли Мэна, так что Ван Ханьчжи пришлось ехать в одном седле с Хо Ляньюнем.

— И чего ты кривишься? Я тоже от этой поездки не в восторге, — Хо Ляньюнь бесцеремонно ткнул Ван Ханьчжи пальцем в круглую щёку — удержаться было решительно невозможно. — Так что води себя смирно. В Башне Десяти Направлений моё слово весит побольше, чем его. Хочешь жить хорошо — лучше задобри меня, понял?

Ван Ханьчжи одарил его испепеляющим взглядом и отвернулся.

Чжао Лои взмахнул поводьями, и кони дружно сорвались с места, унося их прочь от деревни.

Три дня спустя

К исходу третьего дня пути они добрались до глухой, забытой богами деревушки.

За окном уныло брехали собаки. Ли Мэн сидел на краю кровати, отчаянно зевая и утирая выступившие слёзы. Сон наваливался свинцовой тяжестью.

Чжао Лои вытащил из дорожного мешка Карту-свиток из узорчатого шелка. Он медленно провёл пальцами по древней ткани. Взглянув на свой большой палец, он заметил, что тёмная вышивка на шёлке слегка линяет, оставляя едва заметные следы.

В комнате стоял лишь негромкий плеск воды — Ли Мэн мыл ноги перед сном. Закончив, он уступил ушат учителю, который без лишних церемоний ополоснулся в той же воде. Когда Чжао Лои принялся вытирать Ли Мэну лицо влажным полотенцем, тот уже откровенно клевал носом.

Внезапно из темноты двора донёсся резкий свист бамбуковой дудочки.

Ли Мэн судорожно вздохнул и согнулся пополам, прижав ладони к животу. Лицо его мгновенно исказилось от острой боли.

Чжао Лои среагировал мгновенно. Рука его легла на рукоять меча, и он помрачнел от ярости:

— Что происходит?

Ли Мэн из последних сил перехватил его запястье. Тяжело, хрипло дыша, он выдавил:

— Это она... Пришла.

Их взгляды встретились, и Чжао Лои всё понял без слов. Сяо Чанчу. Она пустила в ход бамбуковый свисток, пробуждая спящего в теле Ли Мэна ядовитого гу.

— Отдай мне свиток, — преодолевая боль, прошептал Ли Мэн.

Хотя Чжао Лои заранее снял точную копию карты, он всё медлил, неохотно поглаживая драгоценную Карту-свиток из узорчатого шелка. Но, видя, как бледнеет и исходит испариной его ученик, он отбросил сомнения. Быстро свернув ткань, он спрятал её за пазуху Ли Мэна и крепче затянул его пояс.

Чжао Лои заглянул мальчишке в самые глаза. Голос его звучал глухо, но твёрдо:

— Я буду рядом. Если что-то пойдёт не так — кричи во весь голос.

По лбу Ли Мэна катились крупные капли холодного пота. Благодаря связи их Гу матери и дитяти Чжао Лои отчётливо чувствовал чужие страдания — сам боли он не испытывал, но к горлу подкатывала мерзкая тошнота.

При виде того, как исказились черты лица его названного преемника, Чжао Лои слегка похлопал его по щеке, пытаясь удержать в сознании:

— Ты меня слышишь? Запомнил?

Ли Мэн поспешно закивал. Заметив, что учитель уже закрепил за поясом свою трубку и приготовил парные кинжалы, он требовательно протянул руку.

Чжао Лои без лишних слов протянул ему Меч Безрассудства.

Перед тем как расстаться, он на мгновение прижал свой лоб к его холодному лбу и едва слышно прошептал:

— Береги себя. Не вздумай геройствовать. Помни: я рядом.

В следующую секунду бесшумная тень скользнула в открытое окно и взмыла на крышу. Ли Мэн, пригибаясь от боли и держась за стену, медленно пошёл к выходу.

На крыльце, укрывшись в густой тени, стоял человек. Хо Ляньюнь небрежным движением большого пальца выдвинул клинок из ножен. Скосив глаза, он смерил ледяным взглядом едва державшегося на ногах Ли Мэна.

— Ночь на дворе, племянник. Куда это ты собрался в такой час?

Договорить он не успел. Сверху, из ночной темноты, обрушился стремительный удар. Раздался яростный звон столкнувшейся стали. Хо Ляньюнь резко отпрянул назад, и в ту же секунду две фигуры — чёрная и белая — сплелись в стремительном танце клинков.

— Чжао Лои! Ты совсем с ума сошёл?! Не видишь, что твой щенок — предатель?! Ли Мэн, стой! — крикнул Хо Ляньюнь, отбиваясь от нападавшего шиди.

Его теснили к краю. Хо Ляньюнь зацепился носком сапога за балку галереи, перевернулся в воздухе, пытаясь вернуть равновесие и рвануться вслед за мальчишкой, но едва он закинул голову, как сверху опустилась тяжёлая нога Чжао Лои. Безжалостный удар пришёлся прямо по лодыжке.

— Мать твою, Четвёртый, говнюк ты паршивый!.. — взвыл Хо Ляньюнь, срываясь вниз. — Я тебя, сука, когда-нибудь раком поставлю!..

Чёрный силуэт взмыл обратно на крышу и растворился в ночи.

Когда раздосадованный Хо Ляньюнь наконец вскарабкался на конёк кровли, вокруг не было ни души.

Хо Ляньюнь со свистом вогнал меч в ножны и принялся разминать челюсть, изрядно уставшую от столь бурного актёрского притворства. Бурча под нос проклятия, он повернулся, чтобы вернуться в тепло.

В этот момент из двери на самом краю галереи высунулась круглая физиономия Ван Ханьчжи.

— И что, ты не побежишь за ними? — деловито поинтересовался он.

— Побегу... Если бы ещё догнать их мог... — огрызнулся Хо Ляньюнь.

Ван Ханьчжи равнодушно хмыкнул:

— Какая немощь.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Хо Ляньюнь застыл на месте, чувствуя, как внутри закипает глухое бешенство. За время этого путешествия он, кажется, в совершенстве овладел лишь одним искусством — терпением.

<http://bllate.org/book/18266/1765833>